

Артур Прокопчук

ГРУЗИНСКАЯ РАПСОДИЯ IN BLUE

Воспоминания

Артур Прокопчук

**Грузинская рапсодия
in blue. Воспоминания**

«Издательские решения»

Прокопчук А. А.

Грузинская рапсодия in blue. Воспоминания / А. А. Прокопчук —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900181-8

1958—1974 годы в СССР. Поиски своего пути, дорога из Минска
в Тбилиси. Становление личности. Грузия в 60-е годы. Первый в СССР
институт кибернетики. Альпинизм и театр. По дорогам Тушетии
и Хевсуретии. Кибернетика и космонавтика Мои учителя — В.В.Чавчанидзе,
О.А.Чембровский, Катыс Г. П. Особенности защиты диссертаций в СССР.

ISBN 978-5-44-900181-8

© Прокопчук А. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Начало, Тбилиси в 60-е	8
Институт физики АН ГССР	12
1961, Институт кибернетики АН ГССР	23
Барбароба	26
Иза (Иза Гигошвили) Театр Руставели	30
Кибернетика в Тбилиси	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Грузинская рапсодия in blue Воспоминания

Артур Андреевич Прокопчук

© Артур Андреевич Прокопчук, 2017

ISBN 978-5-4490-0181-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Я не знаю другой такой дороги в той необъятной стране, где я начинал свою жизнь, которая могла бы соперничать с дорогой от Ростова до Тбилиси, была бы такой красоты, и с такими быстро меняющимися за окном картинами пейзажей, словно поставленными великим режиссером. Такого разнообразия ландшафта я не видел нигде, а изъездил почти весь Советский Союз от Бреста или Калининграда до Владивостока, или от Питера до Одессы или Севастополя.

Сегодня еще можно проехать и по Украине и по Беларуси из России, чем я до последнего времени иногда и пользуюсь, а вот в Грузию я поехать, как прежде, не могу. Нельзя попасть туда поездом, или автобусом, хотя многие утверждают, что это временно. Однако факты противоречат такому оптимистическому прогнозу – Грузия в мирное время, в 2006 году, попала в блокаду, как Ленинград в 1941 году. Война 2008 года изменила еще более отношения двух стран. Почта до сих пор не принимает даже письма в Грузию. Конца этой блокаде пока не видно. Думаю, что это потеря и для России и для Грузии. России все не дают покоя ее великодержавные, имперские амбиции и простить Грузии ее самостоятельную политику она не может, как не может до сих пор русский человек привыкнуть к тому, что Латвия, Литва и Эстония – это самостоятельные государства, вырвавшиеся, наконец, из цепких, «дружеских» лап «старшего брата». Или что Украина и Беларусь никогда больше не вернутся в Российскую Федерацию.

Слава Богу, что отделение прибалтийских стран прошло бескровно, а вот Грузии пришлось пережить немало, и до сегодняшнего дня российские «миротворцы» со своими танками и вертолетами стоят, примерно, в пятидесяти километрах от Тбилиси – «сосредотачиваются», как и вся Россия. А уж об Абхазии лучше не вспоминать.

Лет десять-двенадцать тому назад, в последний раз, я съездил в любимую мною Гагру по фальшивому документу, где было прописано, что я еду к своей матери, постоянно там проживающей, иначе попасть туда было невозможно. Мое впечатление от увиденного было таким, что я более никогда не смогу решиться на повторный визит в эту новую, «самопровозглашенную» республику. А горы «голубые и зеленые», без которых мне в Москве становится грустно, я, при желании, могу видеть из окна дома своей дочери в Тбилиси, когда приезжаю туда. Ну, и пляжи и синее море Аджарии никуда не денутся...

По той красивейшей железной дороге, вьющейся вдоль всего побережья от Адлера до Сухуми, иногда почти касающейся моря, тогда ходили грязные, в репейниках, козы и пощипывали листочки на высоких, достигающих мне до пояса, кустах, пробившихся между шпал. Рельсы этого любимого всеми курортниками СССР пути по берегу моря были покрыты вековой ржавчиной, как будто поезда здесь никогда не ходили. Все это вызывало у меня воспоминания о детстве в послевоенном Минске, о той послевоенной разрухе, и еще всплывали в памяти кадры из картины Тарковского «Сталкер». Я прошел из российского Адлера в Абхазию через узкий мост с пограничниками, по которому, как муравьи с поклажей на спинах, двигались навстречу друг другу два потока несчастных, навьюченных продуктами людей, взял «частника» и приехал в Старую Гагру, в «Ущелье» к знакомым.

Запустение и безлюдье, бывшие великолепные дома санаториев с пустыми глазницами окон, поникшие фонтаны и приморский бульвар, где ветер гонял прошлогодние листья, дополнялись братским кладбищем в Новой Гагре и свежими

могилами захороненных там молодых парней, пытавшихся отстоять свой родной дом от отрядов Басаева, вооруженных современным российским оружием. Это была мертвая зона. И еще нищие дети с потухшими глазами и обтрепанные старики, оставшиеся в старой Гагре, где я поселился рядом с «Ущельем», неподалеку от знаменитого в свое время ресторана «Гагрипша», закрытого навеки. От Гагры до Пицунды, на всей, в несколько километров, береговой линии пляжей я за десять дней встретил лишь одного, не известно как попавшего сюда, человека, напоминавшего горьковского Челкаша.

Я поднялся в гору, к бывшей вилле принца Ольденбургского, увековеченной в фильме «Веселые ребята», зашел через обвалившийся наполовину подъезд, походил по этой «погорелке», послушал, как из какого-то, открытого несколько лет назад, крана на третьем этаже, который забыли закрыть, все еще течет жиденькой струйкой вода, растекаясь по лестничным ступеням, поглядел на черные, из-за разворованного паркета, проплешины полов и спустился к морю. Море было такое же, как и раньше – синее, теплое, спокойное, ласковое и безразличное к завихрениям всех властей, в том числе, и к новой, занимающейся бесконечными клановыми «разборками».

Мне все увиденное особенно кололо сердце, так как я два лета проработал здесь, в одном из самых красивых на земле мест, в голубой Пицунде, в «Цитрусовом», где была когда-то великолепная, полувоенная, прекрасно оснащенная, экспериментальная база Государственного Оптического Института (ГОИ-3), как будто попавшая сюда из американского кино. Все исчезло, как утренний цветной сон.

Не смог обойтись без этого отступления – здесь, на черноморском побережье Кавказа, была когда-то другая жизнь, недоступная сегодня никому, как другой была жизнь и во всей Грузии, и в Тбилиси, городе, согревающим сердце любого неравнодушного к красоте человека. Время унесло с собой не только те года и многих из тех, кто жил в том времени. Время до неузнаваемости изменило весь быт, материальную основу его, ту часть культуры, которую уже ничем нельзя заменить или снова воспроизвести. Только и остается помнить об этом времени и надеяться, что еще не все утрачено, что-нибудь вернется...

Начало, Тбилиси в 60-е

Сегодня я опять возвращаюсь в те уже далекие, тбилисские дни – они были, они остались во мне навсегда, как бы далеко ни завела меня моя дорога. Это было для меня началом новой жизни, началом пути. Каждый день тогда передо мной все более раскрывался древний город, в который я сперва настороженно вглядывался, изучал и оценивал, со скупым расчетом жителя севера, но радушный Тбилиси открыл мне свое сердце. И я, уже навечно, навсегда стал принадлежать ему, благодарный своей судьбе за бесценный подарок, за причастность к жизни этого удивительного города.

Я бывал до этого в Тбилиси на всесоюзных соревнованиях по плаванию, играл в составе сборной республики или команды «Буревестник» на чемпионате СССР по водному поло, в открытом бассейне на набережной, где теперь построен ресторан «Арагви», но никогда до этого так и не смог как следует разглядеть город. Кроме вод Лагидзе, неповторимого вида на гигантскую мерцающую в ночи чашу города с высоты верхней станции фуникулера, превосходного и дешевого вина, я, оказываясь, ничего до сих пор не видел, не почувствовал, не понял. А к этому древнейшему городу надо было сначала прислушаться, так как он и его воздух полны были звуками круглые сутки.

Слушать его надо было уже с самого раннего утра, особенно в районах старого города, где мы поселились на улице Бочоришвили, и где жителей «сванетского убана» (сванетский район – груз. яз), около железной дороги, еще спящих, пробуждало разноголосье бродячих продавцов мацони, меда, зелени и яиц. И еще неизвестного мне тогда продукта, протяжное выкрикивание его названия разносчиком, вызывало ассоциации с тонущими во время кораблекрушения: – «Бати-бути-и-ааа...».

Поднимался утренний бриз и нес по улице с предгорья у арсенала листья и пыль. Потом начинал медленно пробуждаться весь наш дом, весь квартал, у железной дороги поднимали гомон курды-носильщики, спешащие к вокзалу захватить «клиента» и заработать на «пур-марил» (хлеб-соль, груз. яз.). А внизу, по улице Клары Цеткин, сворачивали к «воронцовскому» мосту и предупреждали треньканьем горожан, неторопливо идущих посередине улицы, старые трамвайные вагоны начала XX века, с открытыми задними площадками-балкончиками. Трамваи достались городу еще со времен «Бельгийского акционерного электрического общества», соединившего живительными артериями в начале XX века несколько районов города – вокзал с Руставели, Авлабаром и Веру.

Многоголосый Тбилиси весь звучал с утра и до поздних вечерних часов, его звуки были естественны и органически заполняли кварталы людским говором, а в изгибах буро-зеленой, обмелевшей за зиму Куры, между гранитных набережных стоял немолчный шелест стремительной воды. Звуки лились из распахнутых окон гитарным перебором или аккордами фортепиано, приветствуя весну, подхватывались пением птиц, уносящих эти мелодии в небесную высоту. «Имеющий уши да услышит...»

Мне ясно помнятся дни приезда в Тбилиси, в марте 1957 года, В первый же день, пробужденный протяжными голосами разносчиков мацони и зелени, утренним холодком, потянувшим из открытого ночью окна, я вышел на внутренний балкон закрытого со всех сторон двора, прошел через вестибюль к крыльцу, выходящему на мощеную булыжником улицу, круто спускающуюся вниз, и обомлел. Прямо передо мной, казалось на расстоянии вытянутой руки, словно парила в воздухе розо-

вая гора. Она уже цвела в эти мартовские дни, а мы только что приехали из серого, унылого и холодного марта Москвы и Минска, где не было и намека на тепло. Это была гора Давида или Мта-цминда («Святая гора» в пер. с груз. яз.), как ее зовут горожане.

Тем ранним мартовским утром, когда я стоял на крыльце дома, а передо мной парило сказочное розовое облако, опустившееся на гору, где зацвел миндаль, я принял окончательное решение – здесь надо жить, этот город для меня, это мой город. Я буду в нем жить.

Конечно, к восприятию этого удивительного города меня подготовила и дорога. Два дня в поезде не прошли даром, особенно с тех часов, когда железная дорога в очередном изгибе, после темноты тоннеля, где-то после Туапсе, выскочила к морю и стала играть с ним в прятки. И нельзя было оторваться от окон вагона. Но эта была лишь увертюра, когда то в струнных, то в духовой группе какая-то нота или аккорд акцентируют твой слух, твое воображение, чтобы потом повториться всем ансамблем и зазвучать мощной мелодией.

И еще – запахи Тбилиси, многие из которых мне были неведомы, ведь наступала весна, до которой было еще так далеко в Минске, откуда я уехал.

Эта симфония, сотканная из городских звуков и запахов, разворачивалась в чаше гигантского амфитеатра, в дальней части которого возвышалась и нависала над сбегающими вниз к реке мощеными улицами, розово-лиловая гора Давида. Передать эти ощущения сложно, невозможно разделить в этой симфонии отдельные ее части на составляющие. Как отделить запах утреннего кофе, которое варила бабушка Даро для своей Лейлы от аромата зацветающей акации на нижних улицах? Или журчание лука на сковородке Дато, расположившегося на балконе, от посвистывания налетевшего мартовского ветра в ветвях деревьев. И новое состояние – «Гижи марты» (сумасшедший март – груз.). В Тбилиси знают, как начинает сводить с ума в это время, на праздник армянского святого «Суб-Саркиса», налетающие по долине, сухие и тревожащие душу, вызывающие бессонницу ветры из Баку...

В первые дни в Тбилиси я просто шлялся по городу, забирался на склоны горы у «арсенала», отделенные от нашей узенькой, горбатой улочки железной дорогой, глазел на соседей курдов, у которых вся жизнь протекала, как яркое и праздничное театральное представление, независимо от того, посвящалось ли оно очередной свадьбе, или собирались их многочисленные родственники на похороны. Наслаждался теплом и тенистой прохладой улиц нашего «сванетского убана».

Тбилисские базары заманивали в свои темные прохладные полуподвалы нарастающей с каждым новым днем лавиной овощей, а на вторых этажах рынков растеклось морем фруктовое изобилие. Меня как-будто снова перенесли в мир моего детства на берега Аму-Дарьи, в те абрикосовые сады и тутовые деревья, где я впервые почувствовал настоящую радость бытия.

Но надо было уже найти работу, деньги неумолимо исчезали, «мои женщины», Иза и Ия, хотя и радовали меня своей солнечной, искрящейся безмятежностью, первозданным спокойствием, или первородным знанием недоступных моему пониманию смыслов, но обе нуждались в «хлебе насущном» и в их медового цвета глазах проступало беспокойство. Рекомендательное письмо от академика Ельяшевича к академику Мирцхулава лежало дома, надо было его уже использовать, как пропуск в академическое сообщество.

Академик, как мы договорились с ним по телефону, принял меня у себя дома, что уже было хорошим предзнаменованием. У меня пока не было опыта дел-

вых встреч – в официальной, кабинетной обстановке я мог бы ступать. Здесь в домашней непринужденности, умело организованной гостеприимным хозяином, с чаем и кизилевым вареньем, и состоялось мое «боевое крещение», в беседе, иногда скатывающейся на профессиональные темы. Оказалось, что «батон» (господин – груз.) Алио, – меня уже научили, как надо обращаться в Тбилиси к старшему не обязательно по званию, но обязательно по возрасту, – так вот, «мой господин» возглавляет Институт полупроводников Академии Наук Грузинской ССР.

Это направление было несколько в стороне от моих представлений о моем будущем месте в науке, и мой «благодетель», с большой теплотой вспоминающий своего учителя и моего профессора, сразу же все понял и решил, куда мне надо обратиться. Он набрал чей-то номер телефона, поговорил с этим анонимом, дал мне адрес и отправил восвояси. Мне только сказал, что меня завтра утром ждет в Институте физики Элефтер Луарсабович Андроникашвили – «батон Элефтер» (господин Элефтер, груз. яз.).

На следующий день я поднялся по улице, затененной громадными платанами и круто поднимающейся напротив круглого здания цирка, к новому зданию Института физики АН ГрССР. Точно в назначенное время я сидел в приемной, у дверей кабинета директора института, академика Андроникашвили.

Мне все там понравилось – и седовласый директор в строгом, голубовато-сером костюме, и отсутствие суеты в приемной, и облицованный светлым туфом, недавно выстроенный, институт, расположенный на горе над Курой, и «академическая» тишина в коридорах здания, и разлитое в воздухе спокойствие, может быть, связанное с летним периодом, отпусками или расслабляющей жарой.

Приятное впечатление произвел деловой и строгий, но очень доброжелательный подход директора к моему визиту, и даже то, что мне было поставлено условие обязательного выступления на расширенном ученом совете института, с темой на выбор. Специалистов в области физической оптики, – я это уже знал, – тбилисский университет не готовил, шансы мои повышались, оставалось преодолеть институтские «смотрины». Для выступления я предложил тему, которую еще не очень сам мог осмыслить, настолько она была новой, но она была эффектной, ее ввел в научный оборот, на рассмотрение специалистов, один из моих университетских профессоров, Степанов Борис Иванович, и я рискнул, а Элефтер Луарсабович одобрил. Мне он дал еще месяц на подготовку, к тому же ожидал возвращения кого-то из моих предполагаемых начальников из отпуска, чтобы окончательно разобратся в моей профессиональной пригодности.

Ну, что ж, месяц, так месяц, я не особенно огорчился. Хорошо, что я предусмотрительно захватил из Минска с десятков книг по своей специальности, в том числе и монографию Степанова Б. И. – «Отрицательная люминесценция». Вот об этом эффекте я и решил рассказать институтской аудитории, тем более что сдавать Степанову экзамен мне довелось у него дома, именно, по этой теме.

Как обычно, я не готовился задолго перед выступлением, мне хватало всегда нескольких дней для подготовки, и почти целый месяц, подаренный мне обстоятельствами, я посвятил дальнейшему изучению города, где я всерьез намеревался жить.

Я уходил с утра, и до наступления полуденной июльской жары бродил без всякой цели по тенистым старинным улочкам своего района. Поднимался по «авлабарскому» подъему мимо «плачущей» горы, забредал в район Кукии, зашел в костел на Ниношвили, где было тихо, спокойно и где пахло детством в Минске. Потом забирался все дальше и дальше, несколько раз поднялся к самой высокой точке над городом, на Мтацминда, в старом вагончике фуникулера, построенного «Бельгий-

ским анонимным акционерным обществом» в 1905 году, и сохранившим свой облик со тех времен.

С четырехсотметровой высоты горы Мтацминда, с ее окруженных балюстрадами смотровых площадок, город казался кипящим котлом, и как в немом кино, беззвучно курился, затянутый голубовато-серым маревом. Звуки с улиц, глубоко изрезавших жаркую плоть города, глохли на подъеме в гору уже около средней станции фуникулера, и превращались на верхней станции, на самой горе в чуть слышное, неясное бормотание, в глухой шепот, на который накладывалась прерывистая трель несмолкаемого хора цикад.

Это была торжественная симфония тбилисского лета, апофеоз языческого праздника солнца, предвестие вечной жизни и вечности всего мироздания.

Перед самым отъездом из Минска, я съездил в Вильнюс и сшил себе жемчужно-серый костюм из тонкой голландской шерсти у известного в то время в наших «стиляжных» кругах, мастера-портного Воробейчика, и все не имел случая надеть его. Вот на «смотре» в институте физики, я подумал, он будет к месту. В Тбилиси все мужчины 1958 года ходили только в черном, или белом. Мне надо было подчеркнуть свою идентичность, и быть на высоте положения, хотя бы внешне, – в Тбилиси одевались очень изыскано, но, на мой взгляд, излишне традиционно. Я не подозревал, что мой внешний вид может вызвать некую, как позже мне рассказывали, неравнодушную, дискуссию у основной массы слушателей моей лекции, которой была невдомек «отрицательная люминесценция», о которой я сделал доклад. Выручил элегантный «батано Элефтер», который в нужное время перевел обсуждение доклада в нужное русло, и похвалил меня принародно по окончании моего выступления.

Позже, «тет-а-тет», он все же сделал мне замечание по поводу излишней театральности моего выступления и одежды, более соответствующей встрече с любимой девушкой. Но по всему его виду было ясно, что он сразу же принял мою сторону.

Я был зачислен в институт на должность младшего научного сотрудника с окладом в 980 рублей в месяц. Начиналась моя научная деятельность, будущее стало приобретать хотя и не очень определенные, но обязательно розовые или голубые тона, судьба явно была ко мне благосклонна. Я стал доказывать ей, что она не ошиблась в своем выборе.

Институт физики АН ГССР

Начиналась моя работа в институтской лаборатории со странным названием «радиоактивные методы измерения». Со мной было в этой группе 12 человек. Я еще тогда не знал, что название это условное и нужно «Элефтеру» для каких-то его структурных стратегических ходов в Президиуме Академии, с одной стороны, и чтобы прикрыть основную тему, основное направление работ нашей небольшой группы.

Все направление, в котором предстояло работать мне, было тогда «крамольным». В любом «Философском словаре» последних лет, в очередной раз «кибернетика» именовалось «лженаукой», а словари иностранных слов и энциклопедические словари просто игнорировали это слово или, если и давали ему определение, то прибавляли к нему еще и очень модные тогда эпитеты, вроде «механистическая, метафизическая лженаука», которая (дословно из словаря) является «не только идеологическим оружием империалистической реакции, но и средством осуществления её агрессивных военных планов» (см. Приложение 1, «Кибернетика»).

Полемизировать с философами того времени, исповедующими «марксистско-ленинскую диалектику», было опасно, так что кибернетика, как и генетика, тихо вызревала в научно-техническом подполье, под прикрытием заинтересованных в этих обоих направлениях руководителей военно-промышленного комплекса страны, рано распознавших ее будущую роль.

В 1948 году была издана работа американского математика Норберта Винера «Кибернетика или управление и связь в животном и машине», не увидевшая тогда своего читателя в СССР, так как сразу же была направлена на полки «спецхрана». В ней были изложены соображения по вопросам разработки моделей управления социумом, экономикой, аналогичные моделям управления сложными техническими системами. Эти крамольные идеи не могли стать достоянием советских научных работников, которым настойчиво внушался тезис марксистской философии о «несводимости высших форм» существования материи к «низшим формам». При поступлении в аспирантуру или при сдаче экзаменов для защиты диссертации (кандидатский минимум), в любой области науки главенствующей была эта основная доктрина «советской философии». Словом, как любому молодому научному сотруднику того времени, мне сразу же стало ясно, что только этим и надо заниматься.

Вдохновлял нас на «дерзания» только что защитивший докторскую диссертацию, Владимир Валерьянович Чавчанидзе, которого все, в том числе и я, через некоторое время, называли просто «Вова». Кстати, это была обычная форма общения в грузинской среде. И только очень уважаемых, мало знакомых и очень пожилых людей было принято называть с прибавлением к имени «батано» (господин – груз. яз.).

Меня «Вова» сразу же увлек своим темпераментным и остроумным изложением любого материала, фантастическими прогнозами развития нашего направления, мягкой формой общения, не фамильярной, а скорее душевной, искренней, располагающей к себе. Он как ураган проносился по комнатам нашего подразделения, вызывая у всех улыбки, и поднимал настроение. Он умел и любил поговорить и еще обладал высоко развитым чувством юмора.

В рабочей группе, в которую я попал, отражалось многонациональность города. Старший в группе, ее руководитель – Мераб Бродзели, отличался мягкой интеллигентностью и волшебными руками истинного экспериментатора. Несколько мед-

лительный и спокойный даже в самые ответственные минуты, он был надежен, и его нельзя было сбить с намеченного им курса. Его медлительность заставляла меня вспоминать фармацевтический ярлычок на пузырьках – «перед употреблением взбалтывать», что я часто и делал, тормозил его, забегал «вперед батьки», иногда неоправданно суетился. Он, как опытный погонщик, сдерживал мои, часто неадекватные порывы. Он вызывал уважение, его внешний вид излучал уверенность, с ним было спокойно.

Гриша Гольдштейн, как и положено гениальному еврейскому молодому человеку, всегда ходил с отрешенным взглядом и с какой-нибудь книгой под мышкой. Через небольшой период времени я узнал, что чаще всего он так нежно прижимает к себе французский роман, обычно в оригинале. Он мало говорил, сосредоточенно молчал и время от времени выдавал невероятные идеи. Во всех серьезных научных спорах мы апеллировали к нему. По коридору института он шел, боясь кого-либо задеть или наступить на ногу, и часто краснел от неделикатности своего собеседника.

С Авиком Аязяном я познакомился немного позже, мне imponировал в нем высокий уровень специальных знаний, трудолюбие и расположенность, что позволяло легко просить о помощи в трудную минуту, и получать нужную консультацию по любым вопросам. Авик никогда не отказывал в этом.

В нашем отделе Института физики, а позже, в отделившемся от материнского тела, институте, собрались представители многих национальностей и нацменьшинств. И греки, и курды, и «татреби» (татары – груз. яз.). Под это название в Тбилиси исторически попали и персы и азербайджанцы и этнические татары. Было несколько поляков, из семей оставшихся с незапамятных времен, и абхазцы, тогда еще не противопоставляющие себя общенациональной грузинской культуре, и украинцы, оставшиеся со времен строительства царским правительством закавказской железной дороги. Были и русские, приезжавшие «усилить направление», которые, как правило, старались пробиться в руководящие слои, используя свои дипломы, полученные где-нибудь в Москве или Ленинграде, и негласную квоту по кадровому составу в республике, «спущенную» с самых высоких партийных верхов.

Новый институт, уже готов был вылупиться из старого Института физики, хотя не имел пока еще даже своего законного названия. А отдел быстро поглощал все новых и новых специалистов, вырастал под прикрытием умудренного жизнью «Элефтера», прошедшего, в частности, школу Петра Капицы и Резерфорда в Англии, и под финансовым покровительством «высоких лбов» Министерства обороны, раньше всех понявших смысл этого экзотического плода под названием «кибернетика», созревающего в переплетенных ветвях смежных дисциплин.

Наши «кибернетические» семинары стали привлекать всеобщее внимание научно-технической интеллигенции города и являлись поводом для страстных дискуссий на тему «искусственного интеллекта», «может ли машина мыслить» («голубая мечта» технарей того времени) или роли вычислительных машин в управляющих процессах, в будущем освоении космоса и т. д. Мы стали знакомиться с коллегами, или лучше, сподвижниками из других институтов, городов и республик, создавая свою «среду обитания». Характерная оценка того времени приведена в публикации, посвященной истории этого вопроса:

«В шестидесятые годы в России кибернетика была существенной частью культурного фона» – формировала общественное сознание, являлась одной из властительниц дум. Примечательно, что на обсуждении доклада «Автоматы и жизнь» академика А. Н. Колмогорова («физик») выступал не просто наследник (и сын) выдающегося лирика – А. С. Есенин-Вольпин, известный диссидент и правозащитник. Мощная просветительская функция реализовывалась энтузиастами через популярные журналы «Техника-молодежи», «Знание-сила», «Квант» (Приложение, Е.В.Злобин, РГГУ, «О некоторых проблемах генезиса информатики в России»).

К этому времени в отделе уже появилась центральная идея, выработанная в ожесточенных спорах на семинарах – создание оптической вычислительной машины, превосходящая по объему памяти и быстродействию имеющиеся электронные, зарубежные аналоги.

Я почувствовал себя в этой обстановке, как рыба в воде. Все-таки у меня была неплохая база, основа для экспериментальных работ и научных поисков – мое солидное университетское образование, мои минские профессора, преподаватели. Работа доставляла удовольствие и продвигалась во многих направлениях нашего отдела. Я стал разрабатывать перспективные элементы будущей оптической вычислительной машины, но для увязки их в работающую систему нужны были свежие идеи.

Так, вместе с коллегами, мы подошли к совершенно новой теме тех лет – волоконной оптике и жидким кристаллам. Пришлось мне заниматься и химией органических соединений для поиска носителей оптической памяти. Это было внешне красивой, эффектной разработкой и привлекало внимание «вышестоящего начальства», тем более, что мы умели придать должный вид нашим опытным образцам для демонстрации посетителям. Все продумывалось – темная комната, голубые вспышки света при нанесении информации на плоские матрицы, стирание картинки другим световым источником и т. д.

Я называл это театрализованное мелкое жульничество – «делать начальству темную». При посещении нашей «темной» Президент Академии Наук того времени – Александр Несмеянов, – долго сидел с нами в темноте, но мне показалось, что он не вполне разобрался в механизме оптического преобразования, что еще более повысило наши шансы на получение дополнительного финансирования. Кстати сказать, это была моя первая встреча с одним из «Президентов» в рабочей обстановке. И конечно, я не думал тогда, что это станет рутинным действием – встречать Президентов Академии, демонстрировать им «наши игрушки» и выбивать «денежное довольствие» для постепенно увеличивающейся команды нашего отдела, а позже и Института кибернетики Академии наук Грузинской ССР.

Кроме того, приходилось участвовать и в общеинститутских работах, так как коллектив института был небольшой. Например, весь наш отдел отбывал всеобщую «повинность» и дежурил на запуске первого атомного реактора в Грузии, расположенного в Карсанском ущелье неподалеку от Тбилиси, где и я провел несколько дней и ночей. Было тогда немного страшновато, особенно когда вдруг срабатывала аварийная сигнализация, но интересно.

Нервическое управление всей страной, шараханья в экономике и в политике из одного направления в другое, под руководством Никиты Хрущева, – это был фон, на котором бурно развивалось и наше направление, где стремительно увеличивалось число институтов, вовлеченных в этот поток. Я воспринимал это, как увлекательную игру, где часто слепой случай открывал выгодные шансы на выигрыш.

Нам здесь, в «голубом и зеленом» краю, в Тбилиси, было легче работать, мы были далеко от Москвы, нас не интересовали академические интриги. «Тяжеловесы» из президиума академии, видимо, не относились к нам серьезно, позволяя строить по своему усмотрению новое направление, еще не утвердившее себя, не имеющее пока особых претензий к руководству, не вовлеченное в вечную суету на «академическом олимпе».

Зато наш «шеф» быстро сориентировался в технологических потребностях военных, армии и флота, и интуитивно нащупал там слабое место – их желание ускорить и автоматизировать процессы принятия решения, отсутствие современных вычислительных машин с высоким быстродействием, обеспечить, как математически, так и технологически, вопросы наведения и ориентации движущихся объектов, в первую очередь, в интересах быстро развивающейся новой отрасли военной промышленности – ракетно-космической. Стали появляться у нас и высокие армейские чины.

Мы выходили в новое научно-техническое пространство, все более отрываясь от Грузинской Академии Наук. «Вова», как челнок, сновал между Тбилиси и Москвой, Тбилиси и Ленинградом, привозил, приводил специалистов из группы министерств, делающих погоду в авиационно-космической отрасли. Туда, было заметно даже для обывателя, стал смещаться центр тяжести всей народнохозяйственной тематики.

А в стране стали «почковаться» от старых новые ведомственные подразделения, новые НИИ, часто на базе разных научных направлений, отделов академических институтов. В Москве же, как обычно, шла в это же время борьба «наверху», за должности, ставки, кадры, за финансирование «отдельной строкой», поездки за границу, за «железный занавес», почти недоступные тогда среднему научному звену.

Наконец, был образован Совет по кибернетике при Президиуме АН СССР, который возглавил легендарный академик, «инженер-контр-адмирал» Аксель Иванович Берг, что дало ему возможность воздействовать на дальнейший ход событий в науке. Кибернетика при нем становилась неким «вольным движением», направленным против идеологической заторможенности в науке.

Думаю, что постановлением об образовании первого в стране Института кибернетики в составе Грузинской Академии наук в 1960 году, мы обязаны именно ему, благодаря его участию в развитии этой новой отрасли знания, все еще воспринимавшейся у советских идеологов, как чуждое, инородное тело в стройной «марксистско-ленинской концепции» о месте человека в обществе, а именно, о месте партийного руководства в управлении этим обществом и боязни потерять это место с приходом «искусственного интеллекта», «думающих машин».

Место для нашего института было выбрано нашими «академическими богдыханами» не зря, с учетом его дальнего от Москвы расстояния, подальше, на всякий случай, от московских партийных идеологов. Так, думаю, и решил многоопытный во всех смыслах Аксель Иванович – «отец» советской радиолокации и кибернетики, немало отсидевший в ГУЛАГе, по слухам, за дворянское происхождение. По тем же слухам, дошедшим до нас, он был потомком какого-то шведского пирата, чего было достаточно в свое время, чтобы отправить его «на исправление» в лагерь.

Несколько сухих строк о нем из официального документа, хотя он остался в моей памяти навсегда немного другим и более человечным.

«Аксель Иванович Берг родился 10 ноября 1893 г. в Оренбурге в семье русского генерала шведского происхождения. Мать Акселя Ивановича была начальницей женской гимназии в Царском Селе.

В 1937 г. А. И. Берг стал начальником Научно-исследовательского морского института связи и телемеханики. В декабре 1937 г. по обвинению во вредительстве (якобы, неоправданные затраты на НИР и ОКР по созданию новой техники) А. И. Берга арестовали, два с половиной года он провёл в заключении. Там он встретился с очень интересными людьми, которых постигла та же судьба, например с К. К. Рокоссовским (будущим маршалом), А. Н. Туполевым (знаменитым авиационным конструктором), П. И. Лукирским (будущим академиком).

В 1946 г. А. И. Берга избрали действительным членом АН СССР.

В 1953—1957 гг. А. И. Берг был заместителем министра обороны СССР по радиоэлектронике. Его помощник К.Н.Трофимов в дальнейшем сыграл большую роль в организации разработок средств вычислительной техники военного назначения.

В 1955 г. в составе АН СССР был открыт Институт радиотехники и электроники (ИРЭ). А. И. Берг стал его первым директором.

Последним детищем А.И.Берга, которым он руководил в течение 20 лет, был Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» (НСК) при Президиуме АН СССР, созданный в 1959 г. решением Президиума АН СССР как координирующий орган, а в 1961 г. НСК получил статус научно-исследовательской организации АН СССР“. (подробнее – Приложение, „Доклад А. И. Берга).

Наконец сбылась «голубая мечта» нашего отдела, в конце 1960 года «батона Элефтер» поздравил нас с выделением в самостоятельный институт и отвел нам почти целый коридор в своем Институте физики – «до лучших времен». Мы с Мерабом Бродзели и Эриком Керцманом, не ожидая начальственных благ, скинулись, купили краски, шпатлевки и всего остального, и отремонтировали сами за пару недель большую, захлавленную комнату, доставшуюся нам от прежней лаборатории. Мы и раньше готовы были положить на алтарь нашей новой «религии» любую жертву. Это было наше первое собственное лабораторное помещение. Работа нам удалась – приходили из других групп завидовать нашему «храму науки».

Мы стали ожидать также отдельного здания для нового института, а еще нам «спустили сверху» дополнительные «штатные единицы» и меня перевели на должность старшего инженера с окладом 1400 рублей. Наш «Вова», утвержденный директором института, собрал всех нас, тогда еще немногочисленный отряд, и вежливо, как бы в шутку, попросил обращаться к нему «по имени – отчеству» и «без розыгрышей».

Розыгрыши практиковались у нас по каждому случаю, а зная своих сотрудников-неистребимых остряков, его предупреждение было своевременным.

Тем временем ситуация в советской науке менялась с быстротой передвижения по стране ее лидера – Первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. В апреле 1961 года Никита Хрущев обвинил Академию Наук в затягивании передачи НИИ профильным министерствам и пригрозил роспуском всей Академии. В ответ президент АН Александр Несмеянов заявил: «Ну что же, Петр Великий открыл академию, а вы ее закроете». За что и был отправлен в отставку.

На смену Несмеянову пришел Мстислав Всеволодович Келдыш, выдающийся математик, который сразу же понял роль появляющихся вычислительных машин в науке, в области развития новых технологий, и смог оценить место математики

в программном обеспечении ЭВМ. В его Институте прикладной математики разрабатывались первые программы для многомашинных комплексов, закладывались основы развития сетей удаленного доступа. Это был фундамент для развития современной информатики, новых информационных технологий. Келдыш возглавлял к тому же разработку теоретических моделей в интересах космических исследований. В то время он был анонимом, секретным «лицом особой важности», а пресса величала его «Главным теоретиком» в материалах, посвященных советской космонавтике, без указания его фамилии.

Все, что ни делалось «наверху», шло нам на пользу в борьбе за образование собственного института, за фонды, за увеличение финансирования. Как говорят картежники – «пошла карта». С приходом Келдыша мы получили дополнительные козыри в этой игре с властью, но наше направление неумолимо начало срастаться с военно-промышленным комплексом, внимательно присматривающим за деньгами, которые он нам начал выделять.

Работа шла у меня настолько гладко, что я решил хотя бы частично, что называется на «полставки», вернуться в спорт, поиграть по старой памяти в водное поло. Я скучал по голубой воде своего бассейна, по плаванию, быстро нашел, где размещается самый удобный для меня, расположенный в двух шагах от моего института, под трибунами старого стадиона «Динамо», бассейн, встретил там одного из игроков тбилисского «Динамо» – Крылова, с которым ранее был знаком по играм. Он стал в этом году тренировать вторую команду города – «Локомотив», я напросился к нему на тренировки и стал ходить в разное время. Иногда тренировки проходили рано утром, и я опаздывал, примерно на час, к началу работы.

В один из таких дней, пришел я в институт часам к десяти – у дверей стоял Элефтер Луарсабович и пожимал на входе руку всем опоздавшим. Пожал и мне и пригласил к себе в кабинет. Кто-то «донес» ему, что я серьезно занимаюсь спортом. Он по-прежнему ко мне благоволил, но после легкой «трепки», и дружеского напутствия на будущее, определил свой взгляд на дисциплину, а мне, для справки, сказал: – «Я со всеми раскланиваюсь, а руку пожимаю только опаздывающим».

Мои объяснения по поводу опоздания не были приняты во внимание, и еще он заметил:

– «Артур, выбирай сейчас – или спорт или наука». Да еще присовокупил, что означает для него звание «научного сотрудника».

В вольном изложении того разговора, смысл его можно было понимать так, что есть черта, отличающая научного сотрудника от обычного человека. Эта скорее умозрительная грань, чем дисциплинарные или социальные рамки. И основное отличие человека науки от других, по его мнению, находилась в плоскости его отношения к материальному миру или, проще, к вещам.

Благославляя меня на «дальнейшие свершения», Элефтер Луарсабович сказал: – «Вот когда ты начнешь из дома уносить вещи и приносить их в институт, тогда ты и станешь настоящим научным сотрудником, ученым, истинным экспериментатором».

Этот простой критерий оценки качества научного сотрудника оказался применим во всей моей дальнейшей практике работы в академической науке. «Настоящий научный работник, ученый несет из дома в лабораторию, а не наоборот», – да, Элефтер умел находить истину. К слову, в грузинском языке есть еще одно выражение этой истины, но в другой форме, в переводе с грузинского – «за хорошее место платить надо». А лучшего места, чем быть сотрудником Института физики при «Элефтере», тогда в Тбилиси для меня не было. Есть еще одна идиома в этом древнем

и образном языке: о человеке, который не любит, не справляется с работой, делом – говорят – «он место портит».

Такие народные афоризмы-истины запоминаются на всю жизнь. Можно смело сегодня утверждать, что Элефтер Андроникашвили был исключительным директором, директором и педагогом, особенно если учесть время, в котором мы находились. Он давал всем нам пример и своим элегантным европейским видом, и безукоризненным литературным русским языком, выдававшим генетическую преемственность к произнесению речей и чтению лекций – его отец был известным адвокатом еще до революции. Его личные связи, которые он всегда использовал в целях создания особого климата в институте, давали пищу нашим мыслям и заставляли «поддерживать высокий рабочий тонус», или, как сегодня любят выражаться «продвинутые» молодые люди (не очень удачный перевод с английского «advanced»), «держат планку».

Я вспоминаю приезд к Элефтеру Андроникашвили, а значит и в Институт физики, ко всем нам, в гости, Нильса Бора с сыном и невесткой. Это было для нас потрясением – поздороваться за руку с основателем современной физики, человеком, о котором я, после всех университетских курсов, размышлял, примерно, как о Ньютоне, или Аристотеле, и откровенно говоря, думал, что его уже давно нет в живых. Нильс Бор, Резерфорд, Петр Леонидович Капица – это были «сотоварищи» Элефтера Луарсабовича по большой науке. С Капицей-старшим мне еще предстояло встретиться, а с его сыном жизнь потом свела меня на много лет, но уже в другом мире, в другой научной сфере, на Дальнем Востоке, в городе – Владивостоке.

В один из ни чем не примечательных рабочих дней, в старом здании Института физики, я вскарабкался по узкой тропочке, чтобы сократить путь ведущей к зданию и начинающейся сразу у подножья скалы за мостом «Челюскинцев». Быстро проскользнув мимо стоящего у входа «батона Элефтера», раскланивающегося со своими пунктуальными сотрудниками, я, вприпрыжку, заскочил на свой третий этаж и плюхнулся за рабочий стол. Справа от моего стола находилось высокое двухстворчатое окно, куда я часто глядел, что помогало размышлять о научных проблемах. Из этого окна моей лаборатории, как обычно, видны были зеленые склоны гор, обступающих долину Куры, уходящей куда-то в сторону Мцхета, исчезающей в голубоватой, сиреневой или сизой, в зависимости от высоты солнца и характере облачности, дымке. И вдруг, в седловине между склонами, спускающимися от перевала Зедазени с одной стороны, и предгорьем со стороны правого берега реки, я увидел только что возникшую, сияющую темным розовым светом конусообразную вершину горы, как будто плывущую в воздухе. Ее там раньше, еще несколько минут назад, не было – я люблю смотреть из окна, я бы увидел ее раньше.

Прошло несколько месяцев моей работы в институте, и каждый день я видел из этого окна ставшие привычными склоны гор, окружающие город с северной и западной стороны. И вот, как наваждение, как мираж, этим ясным прозрачным утром, возникла из пустоты неба чудо-гора. Она светилась, она разгоралась от темно-розового цвета до пурпурного, потом становилась все ярче до бело-желтого свечения. Я остолбенел от этого видения и долго просидел за столом, пытаясь понять, что же это – мираж, фата-моргана? Меня через некоторое время толкнул в бок Мераб Бродзели и сказал, «что это, во-первых, гора Казбек, во-вторых, обычное явление, хотя из нашего окна и не часто видно». Он проработал в этой лаборатории уже несколько лет и видел такое не один раз.

Вышедшее из-за горизонта, со стороны Каспия, азиатское Солнце, специально для меня, приветствовало повелителя Кавказа – гору Казбек. Сияющая сахарная шапка горы на миг еще раз вспыхнула солнечным светом, мигнула через всю долину мне на прощанье ослепительным лучом и исчезла, растаяла в далекой, сизой дымке.

В этот же день я решил, что должен это чудо рассмотреть поближе. Как это сделать, мне еще не было ясно, но я стал «собирать информацию», говорить об этом предприятии, как о своей мечте, с разными людьми – сотрудниками института, просто знакомыми, соседями.

Прошло несколько дней и выяснилось, что мой сосед по улице, к которому я часто забегал послушать что-либо из его джазовой коллекции пластинок, он же и сотрудник нашего института, работающий в отделе, если мне не изменяет память, «физики высоких энергий», – Алик Маловичко, – вхож в альпинистский городской клуб, и сам иногда участвует в разного рода альпинистских мероприятиях – восхождениях и траверсах, в том числе, и на Казбек.

Оказалось, что в городе давно есть альпинистский клуб, старейший в Советском Союзе, и что было еще более знаменательным для меня, клуб регулярно проводит «альпиниады» – массовые восхождения на Кавказские горы, и конечно, на Казбек (Приложение, «Альпинизм в СССР»). Все сходилось – моя мечта принимала реальные очертания.

Алик Маловичко приобщился к альпинизму, не только в силу своих наклонностей, но еще и в память о своем отце, погибшем, кажется, во время войны. Его отец был, со слов моего приятеля, одним из постоянных членов или даже организаторов этого прославленного клуба, а вся советская школа альпинизма начиналась с массового восхождения, именно на Казбек, организованного профессорами Тифлисского университета в 1923 году. Так что мне оставалось только набраться немного терпения и в очередной «альпиниаде», а точнее, как потом оказалось в «академиаде» (любят же у нас всякие иностранные слова), попытаться пристроиться к предполагаемому восхождению на эту прославленную гору, одну из трех самых знаменитых гор кавказского региона.

Желание увидеть это великолепие вблизи, а по возможности, подняться туда, выше – стало непреодолимым, мне был нужен, именно Казбек. До «армянского» Арарата, вызывающего такие же красивые ассоциации с библейскими сюжетами, но который находится в Турции, было далече. Этот же горный великан вызывал в моем воображении не только лермонтовские, заученные в школе, поэтические строки, – «у Казбека с Шат горою...», – но и манил своей кажущейся близостью, – я же его видел из окна, – доступностью, и особенно легендой об Амирани, так в Грузии зовут Прометея. Я уже давно погрузился в мир древней грузинской истории и мифологии, захватившей меня своим современным звучанием.

Эта многотысячелетняя, грузинская легенда в античные времена была позаимствована в Колхиде аргонавтами, совершившими поход за золотым руном через, «самое синее в мире», Черное море под предводительством Ясона. Среди них были близнецы Диоскуры – Кастор и Полидевк (Поллукс), могучий Геракл, хитроумный поэт Орфей, Пелей и многие другие, всего их было по легенде 67 человек.

В грузинской оригинальной легенде Амирани (Прометей), был прикован богом за непокорность к скале, в пещере Казбека. Его старый враг-дракон, прослышав об этом, пожелал расплатиться с героем, но был превращен в камень и обратился в Скалы Дракона. Оказалось, что эти скалы и сейчас можно увидеть, что они расположены на склонах Казбека, на высоте 4800 метров, в виде гигантской километровой подковы.

По древним поверьям, раз в семь лет пещера разверзается, и можно увидеть, прикованного цепями к скале в пещере, легендарного Амирани.

Если бы мне повезло, то у меня мог бы появиться шанс увидеть все это своими глазами. Хотя никто не мог мне сообщить, когда именно сбываются эти семилетние сроки. К тому же, преданный Амирани пес, который вечно лижет цепи, распинающие героя, может быть, уже истончил их за столько тысячелетий. А приставленные богами кузнецы не успели обновить цепи, что они обычно делали в четверг страстной недели (в тушинском варианте – в ночь под Рождество).

По Эсхилу, более других мне тогда известному в переводах, Прометей (Амирани в Грузии) успел так много сделать для людей, что надо было отдать дань, если и не самому герою, то этой древней, красивой легенде, известной любому грузину, ставшей близкой всему средиземноморью, и не забываемой народами многих стран несколько тысяч лет. Не одного Эсхила вдохновило это сказание, не он один посвятил ему свои поэтические строки.

Античный классик не поскупился на похвалы достоинствам Прометея и увековечил не только его подвиг по добыванию огня у олимпийских богов, но и добавил еще целый ряд высоких достоинств у этого героя. Когда и как произошла метаморфоза с грузинским именем из этой легенды – история умалчивает.

Приведу только строки, взятые из его поэмы «Прометей прикованный»:

«... богатства, скрытые

В подземных недрах, – серебро и золото,

Железо, медь, – кто скажет, что не я, а он

Их обнаружил первым и на свет извлек?

Короче говоря, одну ты истину

Запомни: все искусства – Прометеев дар».

Да, «все искусства у людей от Прометея», кроме того он наделил их и разумом, – жалких людей, живших во тьме, в пещерах, научил их строить дома, корабли, заниматься ремеслами, носить одежду, считать, писать и читать, различать времена года, приносить жертвы богам и гадать.

Конечно, греческий классик немного все-таки присочинил, хотя все более узнавая древнюю историю Кавказа, Грузии, наполняясь ее современным животворящим теплом, радушием, все более узнавая ее древнюю культуру и искусства, я склонялся к мысли, что «божественный огонь» в человеке мог быть зажжен именно здесь.

Попасть к самому великану – Казбеку, из Тбилиси, можно было по «военно-грузинской» дороге, проложенной еще русскими наместниками царя на Кавказе для передвижения своих войск, по Дарьяльскому ущелью, воспетому всеми российскими литераторами от Лермонтова до Ильфа и Петрова.

Как мне рассказали, главным украшением Дарьяльского ущелья, его символом является монастырь Святой Троицы, по-грузински, Цминда Самеба, где когда-то хранился крест святой Нино, сотворенный из виноградных лоз, обвитых ее волосами, девы, крестившей первых грузинских царей Мириана и Нану. Можно было попасть в этом путешествии и в монастырь, расположенный на крутых склонах Казбека, прямо над селением Казбеги.

Я стал готовиться и ждать своего часа, мешало пока только то, что у меня, из-за обучения жены Изы в театральном институте, почти не оставалось свободного времени. Моё дитя росло и требовало внимания к себе, но альпинистское предприятие, поход на Казбек, засел у меня в голове. А пока оставалось изучать и далее «быт и нравы» жителей этого города, что по-прежнему доставляло огромное удовольствие.

Зима пришла в Тбилиси в конце декабря, мы стали осваивать «мангал» – жестяную «буржуйку» – самое распространенное в нашем Сванетском «убане» (убан – район, груз. яз.) отопительное средство. Пару поленьев в эту печку – и на полчаса в комнате становилось немного теплее, чем на улице, а ночью под перинами уже ничего не было страшно. Днем топить не надо было, на ярком солнце – тепло, я впервые увидел, как дети здесь бегают всю зиму в школу в одних курточках. Мужчины посолоннее надевали к зиме демисезонное, желательно импортное, пальто, женщины, дефилирующие в центре города, на Руставели или Плеханова, стали выходить на улицу в лакированных туфельках и шубках нараспашку в ожидании нового года, рождества.

Новый год в Тбилиси отличался длительными приготовлениями восточных сладостей, обязательным «сациви», домашним, чаще всего привезенным из «родной деревни», вином и бесконечными хождениями в гости «всех ко всем». Дома, за столом, конечно, поднимались бокалы в эту ночь, но, как правило, молодежная часть домашнего застолья не засиживалась, а уходила к ближайшим, по расположению к дому, родственникам или знакомым. Посещение нового дома было коротким – несколько бокалов вина, похвала умению хозяйки и красоте праздничного стола, и шли далее, всей компанией, к которой присоединялись новые, захваченные по дороге «гуляки». Что-то вроде беларуских стародавних «колядок».

Я припоминаю, как однажды мы с Аликом Гачечиладзе, с которым очень тесно подружились, поздравив с Новым годом его благовоспитанных родителей, двинулись от его дома в старом городе, пошли по Леселидзе, оттуда через Колхозную площадь и Воронцовский мост на Плехановскую, заходя по дороге ко всем нашим друзьям, сотрудникам института и просто знакомым, а уже к утру оказались в Сабуртало, на другом конце города. Мы любили побродить по городу ночами не только в праздники.

Впрочем, отец Алика не должен был особенно удивляться нашему молодечеству, он сам в шестнадцать лет сел на велосипед, никому ничего не сообщив, уехал из Тбилиси «повидать мир», и доехал на этом велосипеде до Лондона. Только оттуда и дал телеграмму домой, что «все в порядке, здоров, нахожусь в Лондоне». Было это в 1913 году. Я думаю, что в крови Алика тоже бродили эти гены авантюризма и страсти к путешествиям. Недаром его при рождении отец назвал в честь покорителя Южного полюса Роальдом, так он значился по паспорту. Но для всех остальных он всю жизнь был Аликом.

Интересно было бы посмотреть на лица его родителей, когда они вертели в руках странную телеграмму. Понятно, что все это происходило до «Великого Октября».

Да, «были люди...». Так что наши «походы» казались ему, думаю, детской игрой. Мы все-таки ограничивались чаще всего границами города, хотя тоже бывало, после длительного застолья и вдруг вспыхнувшего желания «повидать мир», оказывались «случайно» в другом городе, например, в Кутаиси или Телави.

С этими двумя замечательными грузинскими городами, оба из которых намного древнее Тбилиси, оба побывали в свое время столицами, – один Кахетинского царства, а другой еще более древнего Абхазского, а потом и Имеретинского царства, куда была перенесена резиденция грузинских царей из захваченного турками Тбилиси, – у меня связан совершенно до сих пор необъяснимый случай из моей богатой застольями тбилисской жизни.

Наша большая и жизнерадостная, всегда веселая компания отмечала, приехав в Кутаиси, кажется, день рождения кого-то из многочисленных кутаисских родственников в его домашнем «марани» (марани – винный подвал груз. яз.). И вот из этого кутаисского подвальчика я, как-то вдруг, после обильных тостов, продолжавшихся часов пять или шесть, незаметно для себя, оказался в «другом измерении». Все было наяву, но место где я стоял, мне не было знакомо, и в городе этом я никогда не был. Хорошо, что я был не один – рядом со мной находились мои «собутельники», или правильнее «сокувшинники», так как в марани вино разливают из кувшинов, сохраняющих прохладу этой благословенной жидкости в самый знойный день. Так вот, все они хором утверждали, что это Телави. Ни один из них, правда, так и не сумел объяснить мне, как мы здесь оказались.

Хвала Всевышнему! – Гурам Цицишвили здесь бывал не раз, хорошо знал город и «покаялся мамой», что покажет нам всем место, где готовят «лучший в мире хаши» и жареные хинкали, в каком-то «Голубом духане» (духан – трактир, стар. груз.). В Тбилиси жареных хинкали не делали – это одно заставило нас двинуться вслед за ним.

Подвальчик, из дверей которого так пахло, что мы бы, наверное, нашли это гостеприимное место и без Гурама, распахнул нам свои объятия. Мы быстро сделали заказ, еще быстрее съели, чтобы прошло кутаисское похмелье, «хаши» (уваренный бульон из голя и рубцов). Закуски, которых мы, вообще говоря, не заказывали, как по волшебству, были уже на столе, – прерванная «потусторонней силой» жизнь продолжилась. После стопки «чачи», тарелки «хаша» и порции жареных хинкали все стало на свое место. Немного придя в себя, Алик вспомнил, что мы вчера вечером вышли из «марани» подышать свежим воздухом, а потом поехали в сторону кутаисского аэропорта, кого-то надо было проводить. А может быть, встретить.

Этим, если не все, то очень многое объяснялось. С тех пор я с большим подозрением отношусь к легкому имеретинскому, домашнему вину, особенно если оно еще напоминает цветом, вкусом и пузырьками шампанское.

Самое главное во всем этом происшествии было то, что никто особенно не удивился этому странному переходу (или перелету) из одного города в другой. Ни одного из нас нельзя было заподозрить в злом умысле, мы были почти трезвые, или казались друг другу такими, разве что были немного навеселе. И, конечно, мы все любили друг друга и клялись в вечной дружбе. Что позже оказалось почти правдой.

Алик Гачечиладзе! – мой новый, закадычный друг, с которым мы не расставались до моего отъезда из Тбилиси, на протяжении тринадцати лет. Мне легко вспоминать все, что было с ним связано, так как ничто очень долго не омрачало наших отношений. Если бы не женщины... Впрочем, не стоит об этом...

У меня не много в жизни было настоящих друзей, с которыми можно было разделить все горести и радости жизни. Вот они передо мной – всех можно перечест на пальцах одной руки. Алик Гачечиладзе – один из первых в этом списке, в этом, увы, мартирологе... Наверное, и настоящих друзей, если они есть, много для одного человека, этой высокой мужской дружбы, которая почти не подвластна времени, но не всегда может выдержать испытания женщиной... Но о нем в свое время.

1961, Институт кибернетики АН ГССР

«Вова», Владимир Влерьянович Чавчанидзе, прилетел в институт возбужденный, радостный – нам, по решению ЦК партии Грузии, отдадут здание «Школы Марксизма-Ленинизма», партшколы в просторечии. Как говорила моя бабушка – видно «рак за горой сдох». Партийное руководство начало «замаливать» свои грехи за прошлое отношение к новому научно-техническому направлению, быстро набирающему темп в свободном мире. Нам даже не верилось, что это свершится, и я, еще работая в старом здании Института физики, дал обет не бриться до тех пор, пока наша лаборатория в составе нового института, не переедет в новое здание.

Здание, конечно, было не новое, выстроено до революции – мы, оказывается, часто проходили мимо него по улице Читадзе, к нижней станции фуникулера с голубыми и малиновыми витражами стрельчатых окон. Но оно настолько отличалось от всех домов, расположенных на этой улице, своим красно-кирпичным, профилированным фасадом, громадными окнами, охваченными белыми полуарками, и обвивающими все здание узловатыми и змееподобными, столетними глициниями, доходящими до крыши над третьим этажом. А перед зданием, в двух симметричных фасадных изломах, стояли могучие тутовые деревья. Во дворе был разбит чудесный сад, мало уступающий «ботаническому саду» города.

Да, строили раньше с умом и на века, создавали особый климат в этом здании – учебном заведении для благородных грузинских девиц – заведении Святой Нины. Не знаю, какая доля досталась «партшколе», когда она покинула это замечательное строение, но судьба его была продолжена уже в «новейшей истории». Сегодня в этом здании бывшего заведения Святой Нины, бывшей «партшколы», бывшего Института кибернетики (как это ни печально) расположено Министерство иностранных дел Грузии. «Все течет, все изменяется».

Борода у меня выросла до нашего переезда в новое здание и поэтому, обращающий внимание на все происходящее в Институте, «батона» Элефтер, как-то отвел меня в сторону, встретив в коридоре, для выяснения причин моего нового облика. Пришлось на ходу выдумать, что борода – это знак солидарности с Фиделем Кастро. Такое политизированное объяснение, в духе наших газетных оценок тех событий в далекой, «но близкой нам Кубе», не подлежало обсуждению.

Постепенно, без особой спешки, начался наш переезд туда, почти к подножию фуникулера. Мы изрядно оснастились за предыдущие два года, но в последнее время все заказанное нами оборудование стояло нераспакованное в ящиках, загромождая весь коридор. И хотя в первое время это был лишь «Цейс», но для нас, не избалованных советским приборостроением, наступили счастливые времена. Сделанные с немецкой аккуратностью и тщательной отделкой, ящики с приборами мы стали сами перевозить в новое здание.

Откуда-то «выделили» деньги на специальную библиотеку, так как библиотека доставшаяся нам от партшколы была гуманитарной, старой, хотя и очень интересной. «Вова» разузнал о продаже личной библиотеки, скончавшегося недавно, академика Иоффе и послал нас троих – Марка Перельмана, Гию Бегиашвили и меня на переговоры со вдовой «отца советской физики». Мы не посрамили доверие шефа и выполнили почетную миссию.

Я думаю, что у нас появилась одна из лучших «физических» библиотек в стране, так как Иоффе долго работал за границей, у «самого Рентгена», выписывал и покупал всю жизнь на свои деньги все более или менее значительное из научных пуб-

ликаций за рубежом. Один только полный комплект «Physical review», по-моему, с 1905 года, чего стоил. Это был наш фундамент справочной литературы по всем областям физики.

По-прежнему, был я в институте единственным дипломированным специалистом в области физической оптики, и мне стали доверять все, что требовало применения оптической аппаратуры в современных исследованиях. Приходилось самому многому учиться на ходу, а потом уже устанавливать технику в смежных лабораториях и учить других азам спектрометрии, методам точных оптических измерений, работе на спектрофотометрах и спектрометрах разного класса, словом всему тому, что было моей основной специальностью, полученной в лабораториях физмата Белгосуниверситета.

Тесные рабочие контакты с сотрудниками других подразделений привели к тому, что у меня появилось много друзей, не обязательно связанных со мной моей специальностью, но близких по духу, по мироощущению.

Я всегда быстро сходилась с людьми, а здесь в Грузии это было нормой общения, и расположенность тбилисцев к «чужакам» мне очень импонировала. Если учесть, что в Грузии даже «сын невестки двоюродного брата жены вашего дяди» является ближайшим родственником, с обязательным посещением всех ваших семейных праздников, особенно если у вас водится хорошее вино, то не прошло и года, как я уже был, по-родственному, связан с одной половиной города через свою жену Изу. А прошло еще немного и я обнаружил, что и сам знаком через своих друзей с другой его половиной. Город становился «моим».

Еще мне очень нравилось отсутствие высокомерия и достаточно короткая дистанция, которая была между людьми, занимающими разное общественное положение. Таких отношений я никогда прежде не встречал ни у себя на родине, в Беларуси, ни тем более в России, где снобизм, хотя это и не русское изобретение, в смеси с хамством, определяют отношение вышестоящих начальников к «люду», к «винтикам».

До сих пор, несмотря на большие перемены в стране, некую либерализацию российского общества, не могу допустить мысли, чтобы какой-нибудь даже не очень высокого ранга чиновник или «руководитель» российской выделки, может быть «на короткой ноге», например, с сапожником, сидящим в будке около дома и ремонтирующим обувь всем живущим на вашей улице. Как наш уличный Геворг, к которому сходилась вся городская информация из «первых рук». Доброжелательность и открытость тбилисцев, самоуважение представителей всех сословий города и отсутствие снобизма – вот были определяющие черты этого городского минимизма, сложившегося за многие века совместного проживания бесчисленных народов на этой благословенной земле.

А какое языковое богатство звучало в темпераментной толпе обывателей на улицах, рынках города, стадионах или серных банях. На Майдане или в Авлабаре, на площади перед «Голубой» баней в чайхане или на «бирже» в Александровском саду, где собирались тбилисские маклеры, продающие городские квартиры, можно было одновременно услышать грузинский язык, русский, армянский и тюркский (азербайджанский), идиш или курдский. В кривых улочках старого города, около синагоги, звучал «идиш» и язык горских евреев («таты»), не поддающийся классификации лингвистов. А в кварталах левобережного Тбилиси, в районе улицы Плеханова, ныне Давида Ахмашенебели, в тенистых, тихих дворах бывшей Немецкой слободы, можно было услышать и немецкую речь. Но город говорил еще и на своем собственном «арго» – невероятной смеси всех этих языков и диалектов, языке, выра-

ботанном тесным общением всех национальностей, много столетий складывающих дружелюбную общину города.

Городской, непрекращающийся говор был неременным вкладом в общую симфонию звуков, продолжающуюся до глубокой ночи, музыкой города, не желающего ложиться спать и с трудом встающего рано утром.

Барбароба

– Адэки, адэки, халхо! (Вставайте, вставайте, люди! – груз. яз.), уже все пошли, а вы все спите... это «баба Саша» – Сашико, мать Изы, поднимает нас рано утром, в воскресенье, стучит, поднявшись на цыпочки, с улицы, по подоконнику нашего единственного окна, зовет на «Барбаробу» (день святой Варвары).

Теплый день декабря, даже не поздняя осень, а прохладное лето, вот благодать...

Я все еще никак не могу поверить, что это тепло в декабре – достаточно обычная для Тбилиси погода, хотя живу скоро четвертый год в этом залитом солнцем краю.

Сашико (Саша груз.) положила на стол, завернутые в тряпочку «лобиани» (пирог с начинкой из «лобио», фасоли), принесла из кухоньки, где толкались две хозяйки, воды в бутылке, поставила в нее веточки, чтобы распустились к Рождеству. Мы одели Ию, она уже успела к этому времени навсегда убежать из детского сада, к которому не лежала у нее душа (раз забрав её, больше мы ее туда не водили), и мы все пошли по верхним улицам, поднимаясь в гору. В сумке у Саши еще шевелился петух «на заклание» и позвякивали бутылки с вином. Мы двинулись к церкви святой Варвары, что была километрах в трех от нашего дома. Ия мужественно перебирала ножками по каменистой, сначала булыжной дороге, которая сменилась на высеченные в камне тропки – короткий путь к самой церкви. Через час ходьбы, мы как паломники к Иерусалимскому храму господню, слегка натрудив ноги, подошли к невысокой горочке, где и стояла церковь.

Я и не предполагал, что столько народу со всех сторон города движется к этому месту, здесь не прерывался ровный гул толпы, песни, музыканты с гармониями и новыми для меня инструментами (зурна, дудуки) создавали праздничное настроение и столько детей разных возрастов ввинчивалось в это море голов, сновало под ногами. Святая Варвара считалась покровительницей детей, что и объясняло такое их количество здесь. Неподалеку от церкви, со стороны, противоположной главному входу, было устроено что-то вроде античного жертвенника из нескольких округлых камней. Только что совершился очередной акт «заклания» барашка, дети стояли вокруг, с интересом наблюдая за отработанными движениями главного лица в этой церемонии. Вот он, полоснув по горлу барашка, окропивший жертвенник кровью, с ловкостью фокусника, подвесив тельце за ноги на специальной опоре. В следующее мгновение оголил барашка, ловко отделив его шкуру от тела, и бросил шкуру на землю. Я вспомнил о «хахаме», к которому обращались на «Майдане» за помощью, погружаясь в замысел всего происходящего – кровь и музыка, гортанный говор толпы и повизгивания зурны или гармони. Запахи дыма и аромат поджаренного тут же на шампурах мяса со специями будоражил аппетит.

Я забыл, куда я пришел и зачем я здесь, и откуда я родом, из какой страны, где никогда не видели ни такого солнца, ни такого захватывающего зрелища. Зурначи взвыли, поднимая мелодию прямо к небу, толпа зашумела, хозяева барашка попросили еще и разделать его, и побросали крупными кусками в кипящий котел, подвешенный на рогатине над костром. Стала вариться «буглама», рядом расположилось большое семейство на ковриках, расстеленных прямо на камнях, затянули на несколько голосов песню.

Нет, я думал, что где-то уже видел такое, может быть, в своих снах, или видели это мои предки, тоже приносящие жертвы Пяруну (Пярун – беларуское божество), а это память передалась мне по наследству.

Словом, я был здесь как дома, как в том, иногда всплывающем в памяти, доме, которого я никогда не видел, но всегда ощущал в себе. В доме моих предков, родоначальников, патриархов родов, Валахановичей, Павловичей или Прокопчуков, или еще раньше, палешуков или валахов, во времена святого Влаха (Валаха), а может и еще раньше, до христианских времен, когда мои предки поклонялись Пяруну или Велесу.

Жизнь здесь, несомненно, воспринималась, как праздник, и неважно, к какому случаю этот праздник был приурочен. Ортодоксальное христианство так и не смогло в Грузии выветрить тот древний языческий ритуал, жертву Богу, с которого и начинаются все религии мира и во имя которого был зарезан наш петух. А впереди еще предстояли мне новые впечатления – Болнисоба, или Телетоба в монастыре, как будто летящем над городом, еле видимом на кромке хребта, и многое, что предвещало будущие радостные впечатления...

А сейчас мы присели на какой-то подстилке, расстелили импровизированные салфетки, разлили вино и помянули всех сразу, кого уже не было с нами на этом празднике солнца, обещания вечной жизни, мира и добра. Маленькой Ие тоже дали обмокнуть пальчик в стакане с вином и попробовать его, приобщиться к нам в этот день, день ее покровительницы, день покровительницы всех детей...

Мне довелось уже побывать на грузинских похоронах трагически погибшего «Диди» (большой, великий – груз. яз.), дяди моей жены, с которым я любил посидеть за бутылкой-другой «саперави» – мир праху его! И хотя так рано ушел этот крепкий мужчина, оставив столько душ без поддержки, не было трагического восприятия этого события в окружении, среди многочисленной родни. Это было скорее неизбежное покорное подчинение судьбе, року, Богу, кому как удобно. «Диди» как бы присутствовал здесь на панихиде и последнем прощании. Мне было грустно расставаться с человеком, с которым я только что нашел что-то общее, стал понимать многое из необычности этого народа, его простоту и мудрость, традиции и открытость, готовность к восприятию всего нового.

Спокойный, медленно роняющий слова, он всегда сидел за столом так, что всем вокруг было понятно – вот он – самый главный, хозяин этой жизни, опора всех четырех сестер – Шашико, Катуши, Аны и Даро. Легенды о его молодости, когда у него была конюшня и был он владельцем фаэтонов, я уже не раз слышал в разном исполнении. Но в сарае внизу, в дальнем углу двора, я действительно обнаружил остатки фаэтонов с обломанными крыльями, прикрывавшими когда-то от разлетающейся с колес авлабарской грязи катящую по своим делам тифлисскую публику. А в далеком детстве, от вокзала в Ташкенте, меня везли в такой же черной, лакированной карете с мягкими, кожаными сидениями и складывающимся гармошкой верхом. Было время...

Я еще в 1957 году, когда впервые приехал с Изой в Тбилиси и провел в нем несколько месяцев, ощутил дух свободы и совершенно иную интерпретацию привычного, «советского уклада жизни», строго регламентированного «руководящей и направляющей» рукой ЦК в нашей республике, в Беларуси, или, как тогда она называлась, Белоруссии. Прожив здесь еще несколько лет, я только укрепился в своих первичных представлениях о жизни в этой стране.

В Грузии властям так и не удалось заставить людей обсуждать на кухнях «хрущевок» свои проблемы, национальные или государственные, «не удалось загнать в стойло», по определению одного моего тбилисского друга. То, что в Беларуси было предметом обсуждений городскими интеллектуалами «в подполье», на кухнях, в Тбилиси дебатировались на заседаниях кафедр, ученых и художественных советов, кое-что попадало и в местную прессу. Открытость высказываний по любому вопросу, после Минского полупотопта и «фигур умолчания», бросалась в глаза, и мне была по нраву.

И особенно отличала Грузию большая свобода предпринимательства, относительная, конечно, но бросающаяся в глаза. Советские законы и инструкции работали в этой республике по-иному. Вот взять хоть «Диди» – дядю Изы, Баркава-старшего, который был начальником смены самого настоящего кооперативного предприятия, выпускавшего какой-то ширпотреб. Ничего подобного в Минске не было, хотя слухи о каких-то подпольных «цехах» иногда ходили по городу.

Не пропал бывший владелец фаэтонов, со своей предпринимательской хваткой и в советское время. Когда я приехал в город, он возглавлял цех горячей формовки изделий из пластмассы. «Цеховики», как их называли в народе, были практически на легальном положении. Как они ладили с советской властью, мне было невдомек. У меня были другие интересы, далеко отстоящие от «частного предпринимательства».

(Цеховики – уникальное явление советской эпохи, явление неоднозначное. Среди цеховиков встречались как подпольные производители, дельцы-махинаторы, так и просто люди с предпринимательской жилкой, не желавшие в обществе официального равенства жить на одну зарплату и научившиеся извлекать прибыль из незаконной – на то время – деятельности. «Википедия»).

А вот посидеть с Диди за столом было большим удовольствием, хотя бы потому, что он, кроме врожденного чувства юмора, обладал самым нужным мне в то время знанием ритуалов грузинского стола. Был, так сказать, моим наставником в этом нелегком деле. Нельзя же было мне подводить свою беларуско-польскую семью в традиционных застольях. Не спеша наливая, темно-вишневого цвета, немного пенящееся, молодое «саперави» в старые из толстого стекла, граненые бокалы, он учил меня нюансам грузинского винного праздника за столом, очередности тостов, приобщая меня к древнейшему вековому ритуалу, правильному отношению к божественному напитку, рожденному на этой земле.

Ушел глава всей семьи, опора их довольно трудной жизни: шесть женщин были на его попечении. Кроме четырех сестер, из которых старшая – Ана была его женой, он воспитывал, поддерживал, или как было принято писать раньше в романах, «принимал участие» еще и в воспитании моей жены, и самой младшей его племянницы – Нателы. Среднюю сестру – Даро раньше всех выдали замуж, младшую Катюшу (Екатерина) так и не удалось пристроить из-за ее разборчивости, так она и осталась при нем, Саша (мать Изы) вышла замуж, но вскоре супруги разошлись. Вот и приходилось Диди заниматься всем этим «женсоветом» одному до моего приезда. Славный был человек и щедрый...

Я, в принципе, человек не религиозный, здесь в Грузии нашел у этой нации разумную меру отношения к бесконечному поиску ответов на одни и те же вопросы – «откуда мы все и куда все уходит», о смысле жизни. Что же можно прибавить к этому ответу, что стало залогом для грузинского народа перед Господом, его отношения

к Всевышнему, как не Соломонов завет: «...человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем, сколько бы он не трудился в исследовании...

...нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться: это сопровождает его в трудах во дни жизни его...» (Екклесиаст, 8, ст. 15,17).

Иза (Иза Гигошвили) Театр Руставели

Дочка еще немного подросла, уже сама выбегала на улицу, по которой не ездили машины, любила сидеть на широком подоконнике зарешеченного, по-тбилиски, окна в старой комнате – изучала мир. Надо было думать о дальнейшей судьбе Изы, которая долго не могла определиться со своим призванием после нескольких неудач с поступлением, то в подготовительный класс Минской консерватории (хоровой дирижер), то в Белорусский театрально-художественный институт, склоняясь все больше и больше к театральному поприщу. Наконец она решилась и, не без сомнений, попробовала сдать экзамены в Тбилисский театральный институт. Неожиданно для меня, она легко прошла предварительные туры и после заключительного экзамена была принята в группу замечательного педагога – Михаила Туманишвили.

В театральном институте, примыкающего к помещениям драматического театра имени Руставели, был в эти годы особенно талантливый состав студентов на всех факультетах, на долгие годы определивший лицо института и после выпуска изменивший всю театральную жизнь города. Достаточно вспомнить, что именно в эти годы из института вышли – выдающийся режиссер Роберт Стура, Гоги Кавтарадзе, чуть позже ставший режиссером этого же театра, а в то время, любимый всеми тбилисцами, актер малометражек кино, и целое созвездие актеров – Кахи Кавсадзе и Гуранда Габуния, Дато Схиртладзе и Жанри Лолашвили, Бэла Мирианшвили и Гоги Харабадзе, и, конечно, Иза, – Иза Гигошвили.

Это был фейерверк все новых и новых театральных дарований и удивительных спектаклей театра Руставели. Каждая новая театральная постановка, будь то спектакли Додо Алексидзе или Михаила Туманишвили, становилась сенсацией в городе. Это всегда был праздник, мы ходили на эти спектакли по несколько раз, «дегустируя» каждый нюанс разворачивающегося действия. А когда стали появляться концептуальные режиссерские новации молодого Роберта Стура в таких пьесах, как «Салемский процесс» или «Кавказский меловой круг», стало ясно, что грузинский, или точнее, тбилисский театр, театр Руставели вышел на мировой уровень не только в режиссуре, но и по уровню исполнительского мастерства.

Мне, к счастью, не надо подробно описывать те бурные годы необыкновенного подъема театральной жизни Тбилиси, иначе пришлось бы включить в перечень не один десяток актеров и режиссеров тех лет, вспомнить блестящие спектакли и свои восторги от удивительного грузинского театра. Но об Изе и ее «творческих муках», прямо отражающихся на нашей совместной жизни, я должен немного рассказать, так как это стало почти основным содержанием моей жизни этого периода.

Иза в институте училась сценическому мастерству в классе Миши Туманишвили и ее первый успех связан со спектаклем еще на учебной сцене театрального института – это была роль Гедды Габлер в тонкой и сложной для постановки, Ибсеновской пьесе. Ибсена нам пришлось прочесть вместе, тем более, что у нас в домашней библиотеке были только пьесы, изданные в русском переводе, а Изе было трудно одолевать сложные русские тексты. Пришлось и мне потрудиться немного – прочесть, понять, изложить ей свое понимание в простой и доступной форме.

Дипломный спектакль «Гедда Габлер» в каких-то голубых декорациях выпустили в «Малом зале». Не знаю, как его восприняли коллеги Изы по ремеслу, но мне, с детства привыкшему к театру и любящему его, и, как мне казалось, немного разбирающегося в нем, стало ясно – вот я вижу чудо на сцене – абсолютное воздействие

актрисы на зрительный зал, то, что называется «связь с залом». Эти ощущения от ее игры были на уровне подсознания, определить их, выразить словом невозможно, так же как трудно объяснить появление «мурашек» на коже в отдельные минуты хорошего спектакля. Хотя сама пьеса была поставлена, видимо, «не ко времени», как мне показалось.

Такое сильное воздействие театра я испытывал всего несколько раз, и только в том случае, если актер действительно творил свое действие вместе со зрительным залом, на одном с ним дыхании, абсолютно перевоплощаясь. Нет, правильное было бы сказать, проживая жизнь своего трагического героя, как это могли делать, например, потрясая меня, греческая трагедийная актриса Аспазия Папатанасиу, или Гоголева, или Царев на русской сцене тех лет. Мне повезло – я их всех видел на сцене.

В одну из осеней тех лет начались съемки фильма совместно с французами, где Изе дали какую-то эпизодическую роль. Роль была крохотная, но было интересно пообщаться со «звездами» советского и французского телевидения и кинематографа. Это были, с «нашей» стороны – Татьяна Самойлова, прогремевшая на всю страну в фильме «Летят журавли» и любимец советского зрителя, наипопулярнейший Юрий Белов, с французской – набирающий известность, тридцатилетний Жан Рошфор и известный телеведущий и политический обозреватель первого ТВ-канала Франции Леон Зитрон, конечно, происхождением из Одессы. Я не упустил возможности пригласить их к себе домой после съемок, которые проходили в Алазанской долине, обычно голубой издалика, в дымке, или изумрудной в полдень, но пламенеющей листвой каждую осень. Как-то раз я съездил к ним в Гурджаани, немного ревнуя Изу, провел вечер в новой обстановке с сухим, поджарым и, как мне тогда показалось, не очень выразительным Рошфором, и с весельчаком Зитроном, свободно говорившем по-русски. Так и не удалось увидеть Самойлову или переговорить с Беловым, который вечно находился вне съемочной площадки «под градусом».

Представляю их рассказы во Франции о посещении нашей Дигомской, двухкомнатной квартиры в «хрущевке» – что-нибудь в духе баек Ива Монтана о нижнем белье советских женщин.

Картину («Леон Гаррос ищет друга», реж. Марсель Палиеро, 1960) мы тогда так и не увидели, может быть, ее сняли с проката за полный провал. Через сорок с лишним лет я, случайно увидел этот «шедевр» по телевизору, благодаря моей привычке смотреть по возможности сразу все каналы, безостановочно их переключая. Изы не было там – ее, к счастью для искусствоведов, и для нее, видимо, вырезали.

Позже, когда Иза окончила Театральный институт и была принята в театр имени Руставели, где собралась такая труппа выдающихся актеров, что ее хватило бы на несколько хороших театров Москвы и Ленинграда, я видел, как с каждым спектаклем растет ее мастерство, техника, изящная, только ей присущая пластика в любой роли. Ее успех, запоминающаяся трактовка самой малой роли, по-моему, и стали основной причиной зарождающегося конфликта Изы со «старшим» поколением театра, ревниво относящимся к продвижению молодых актеров. В театре ведь на все главные женские роли в эти годы претендовали Медея Чахава и Саломея Канчели, или приглашенная на несколько спектаклей, но не выдержавшая конкуренции «маститых», Лейла Абашидзе, известная на всю страну исполнительница главной роли в кинокомедии «Стрекоза». Мы не думали тогда, что Иза станет одной из самых популярных актрис Театра Руставели.

Иза Гигишвили, Народная артистка Грузии

Театр Руставели в 60-е годы был для города, ставшего уже моим домом, знаком, символом свободы и вольнодумства. Унылый социалистический реализм в этом «храме» был преодолен его искрящимся искусством, как преодолевалась серая жизнь всей страны «на холмах Грузии» – добродушным лукавством южан, острословием и, конечно, грузинским вековым застольем...

Мужской состав театра был просто фантастический. В театре тогда еще громыхал на весь зал, в героических ролях, Акакий Хорава, его голос то обрушивался на партер, то затухал, как отдаленная гроза, на галерке. Но уже выходили на авансцену – самоуглубленный Серго Закариадзе и щедрый на шутку, юмор, Эроси Манджгаладзе, великий импровизатор Карло Саканделидзе. А за ними шла новая волна талантливейших актеров театральной школы Гоги Товстоногова, Додо Алексидзе, Миши Туманишвили. Они создавали новое лицо театра – Резо Чхиквадзе, Гурам Сагарадзе, Нодар Чхеидзе, братья Гегечкори, да всех и не перечислить.

Театр имени Руставели был «театр театров», «Театр» с большой буквы. Его фундамент закладывали Ахметели и Марджанов, Васадзе, Додо Алексидзе и Георгий Товстоногов. Мне еще раз хочется отметить, что в наше время он стал таким, или вышел таким из понимания смысла театра и его поэтики Михаилом Туманишвили, его глубинного знания механизмов театрального чуда, привитого своим многочисленным ученикам, среди которых выделялся Роберт Стуруа.

Михаил Туманишвили мне очень нравился и вне театральной, рабочей обстановки – мягкий, интеллигентный, с печальными глубокими глазами, скорее грузинской красавицы, чем современного мужчины, аристократичный в каждом своем жесте, способе выражения мысли, движения.

Он ощущал грань между серьезным и смешным, и обладал даром соединения юмора и печали, сам всегда был серьезен, даже грустен, потому что знал о жизни много такого, о чем говорят только в узком кругу. Его тонкие, длинные пальцы пианиста или художника, в нервном подраживании, рождали какой-то ускользающий образ человека из другого мира. В его недосказанности и сдержанности часто было больше смысла, чем в широком эмоциональном излиянии, в удручающей иногда болтовне людей от искусства. Впрочем, это я, по-моему, где-то вычитал или услышал, с чем и согласен.

Режиссерская школа театра Руставели стала определять театральную жизнь всей Грузии. Ученики Миши Туманишвили разъехались, разошлись кто куда, и сегодня Роберт Стуруа возглавляет Театр имени Руставели, Темури Чхеидзе рабо-

тает в Петербурге, в БДТ, Гоги Кавтарадзе в Русском театре Тбилиси. Везде, по всей Грузии, ученики Михаила Туманишвили, его школа дает все новые и новые плоды.

Но, хватит об этом театре, о нем можно говорить бесконечно – театр живет в душе каждого грузина. Чтобы услышать и увидеть подтверждение этому высказыванию достаточно было пойти на любой из тбилисских рынков. Этот театр остался и в моем сердце, но вернемся все же к прозе жизни.

Наверное, становится понятным, что почти всех перечисленных актеров и режиссеров очень скоро я узнал накоротке, встречаясь с ними «по поводу» и без повода. Если мне они понадобятся для развития или украшения сюжетной линии, я призову их в свидетели.

Кибернетика в Тбилиси

Я все же продолжу другую линию моей тбилисской жизни, более всего связанную с Институтом кибернетики АН ГССР, с другой стороной моей натуры, часто разрывающейся между «лирикой и физикой», приводящей меня в противоречие с самим собой.

Стиль и образ жизни тбилисца, от века, был такой, что ему приходилось, причем не всегда по своей воле, а следуя вековым традициям гостеприимства, встречаться с великим множеством людей. В Тбилиси, в край «голубых гор», любили приезжать из всех городов СССР, зная, что здесь каждого встретят щедро и радушно. Бесконечные симпозиумы и конференции привлекали сюда бесчисленное количество разношерстного люду со всей страны, с которыми иногда приходилось общаться по долгу службы.

Для меня, не отягощенного грузинскими древними традициями, оставалась всегда возможность отсеять «зерна от плевел» без особых церемоний и ближе познакомиться с людьми, интересными лично мне. Так мне повезло встретиться и подружиться с Мишей Вентцелем, а потом в Москве и со всей его семьей, в частности, с его талантливейшей матерью – Еленой Сергеевной Вентцель, автором классического учебника «Теория вероятности», «широко известной в узкой интеллигентной среде», как писательница И. Грекова. О них надо будет рассказать особо, таких семей с такими традициями, сохранившимися с давних, чуть ли не «петровских времен», в Москве почти не было, и не думаю, что в этом нашем времени они могут существовать.

Появлялись иногда в нашем институте, привлеченные новомодным течением, а иногда и просто словом «кибернетика», и совсем легендарные личности, вроде сына Есенина (Есенин-Вольпин) или Мессинг, человек со сверхъестественными способностями телепата и прорицателя, или чемпион мира по шахматам Таль, или будущий академик Сахаров, «отец водородной бомбы», о котором мы тогда ничего еще не знали, хотя наш «шеф» был с ним знаком еще со времен аспирантуры у Игоря Евгеньевича Тамма в Институте физических проблем.

Можете себе представить еще и ажиотаж, который сопровождал официальные визиты в институт и посещение наших лабораторий такими лицами, как президент Академии Наук Мстислав Келдыш, со своей многочисленной «свитой», спустившейся с научного Олимпа, со сворой партийных чиновников. Или визиты Акселя Ивановича Берга, который молился на свое детище, так как наш институт был создан при его непосредственном участии – он возглавлял созданный им же Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» при Президиуме АН СССР.

Бывали у нас иногда случайные люди, но через некоторое время начались регулярные визиты генералов с голубыми лампасами и «черных полковников», «каперангов» с золотыми галунами, руководителей оборонной промышленности, присматривающихся к новому направлению. Что касается партийных деятелей, и многих других «функционеров», привлеченных необычностью института, красотою Тбилиси и, дармовыми «для гостей», винными застольями, то мне до сих пор не очень понятно, кто оплачивал встречи с ними и из каких источников это производилось.

Кроме того, стало хорошим тоном в высокообразованной среде «поговорить о кибернетике». А так как у меня была выигрышная тематика, связанная с волоконной оптикой и позволяющая «показать что-либо красивое» при посещении

нашего института каким-либо высокопоставленным лицом, то мне приходилось знакомиться и знакомить с нашими работами почти всех «державных» посетителей.

Но должен кратко сказать об одном, несомненно, выдающемся человеке, незабвенном Акселе Ивановиче Берге, так как не думаю, что сегодня о нем помнят даже те, кто ему многим обязан. Лучше меня это сделает официальная страница из Интернета.

«Аксель Иванович Берг родился 10 ноября 1893 г. в Оренбурге в семье русского генерала шведского происхождения. Мать Акселя Ивановича была начальницей женской гимназии в Царском Селе. Первую мировую войну он встретил младшим штурманом линейного корабля «Цесаревич». В конце войны А. И. Берг командовал подводной лодкой Красного Балтийского флота.

В 1937 г. А. И. Берг стал начальником Научно-исследовательского морского института связи и телемеханики. В декабре 1937 г. по обвинению во вредительстве (якобы, неоправданные затраты на НИР и ОКР по созданию новой техники) А. И. Берга арестовали, два с половиной года он провёл в заключении. Там он встречался с очень интересными людьми, которых постигла та же судьба, например с К. К. Рокоссовским (будущим маршалом), А. Н. Туполевым (знаменитым авиационным конструктором), П. И. Лукирским (будущим академиком).

В мае 1940 г. А. И. Берга реабилитировали, его восстановили в воинском звании и он вернулся к преподавательской работе.

В 1941 г. ему было присвоено воинское звание инженер-контр-адмирал.

В 1946 г. А. И. Берга избрали действительным членом АН СССР.

В 1953—1957 гг. А. И. Берг был заместителем министра обороны СССР по радиоэлектронике.

В 1955 г. в составе АН СССР был открыт Институт радиотехники и электроники (ИРЭ). А. И. Берг стал его первым директором.

Последним детищем А.И.Берга, которым он руководил в течение 20 лет, был Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика» (НСК) при Президиуме АН СССР, созданный в 1959 г. решением Президиума АН СССР как координирующий орган. В 1961 г. НСК получил статус научно-исследовательской организации АН СССР». (Галерея славы, Виртуальный компьютерный музей).

К этому времени у меня уже появился и «свой ближний круг общения» внутри института, связанный с моими интересами и предпочтениями. Это были два Алика – Алик Гачечиладзе, увлекший меня биологией, с которым я сошелся, что называется навсегда, до его кончины, и Алик Маловичко, заразивший меня сначала туризмом и альпинизмом, а позже – яхтенным спортом.

Близким и надежным товарищем стал мне Мераб Бродзели – мой первый непосредственный начальник, отец моих научных поисков в области измерения наносекундных световых импульсов. Я накоротке сошелся еще с Эриком Керцманом, знатоком тбилисских подвальчиков и ресторанов, познакомившим меня с миром грузинской кухни и научившим меня правильно, по-тбилиски, есть хинкали, и с Вовой Коганом – моим первым дипломником, на котором я стал оттачивать свою доморощенную теорию управления сотрудниками и с которым я потом стал сочинять пародии, шаржи и выпускать юмористическое приложение к институтской газете.

Институт жил полной, интенсивной жизнью классического, академического центра, с широкими научными и культурными интересами, и мягко направлялся дру-

желюбными покрикиваниями и пухлыми выразительными руками «Вовы», нашего обожаемого всеми директора, лучшего тамады в Академии Наук по всеобщему признанию. (Приложение – «Ученый – тамада»). Сказывалась в общей культуре института «школа Андрониковых», в которой мы тогда все подпали еще и под обаяние старшего брата Элефтера – Ираклия Андронникова (Андроникашвили), были увлечены его первыми публикациями, радиопостановками, видели и слышали его «живьем», в неформальной обстановке. Завидовали одной из наших сотрудниц – Тате Юзбашевой, допущенной лицезреть обоих «Андрониковых» в домашнем окружении.

Мне доставляли радость и мои первые публикации в «Моамбэ» – «Докладах Академии наук Грузии», и получившие наше всеобщее институтское признание воскресные походы небольшими группами по окрестностям Тбилиси, историческим местам, живописным развалинам, – от Армазского ущелья до монастыря Шиом-гвemi, или до Бетаниа, где росло «древо желания», – и я уже перестал удивляться все расширяющемуся кругу моих новых друзей.

А как мне нравилось утром скатиться по моей узенькой улочке Бочоришвили, запрыгнуть на заднюю площадку на повороте трамвая к «Воронцовскому» мосту, или даже, не ожидая трамвая, пройти немного, поглядывая с моста на Куру, все время меняющую свой цвет от темного, коричневого, после дождя, до зелено-голубой, изумрудной в ясную погоду, перейти через «сухой мост», войти в Александровский сад и мимо Кашветской церкви выйти на Руставели, на улицу вечного праздника.

Если я шел на работу пешком эту одну трамвайную остановку, то обычно по пути, перед работой, присаживался на несколько минут к знакомому «айсору» (ассирийцу) и тот за два рубля (20 копеек после 1961 года) приводил мои туфли в «боевую готовность».

Чистка обуви в Тбилиси у знакомого чистильщика, у которого это было, передаваемое в ассирийской диаспоре, по наследству, «дело», в виде будки со шнурками и коробочками разных мазей, была таким же обязательным ритуалом, как стрижка волос или еженедельный визит в «Дом быта» на Руставели для отглаживания и «отпаривания» (кажется так называлась эта процедура) моего тогда единственного костюма.

После этих незамысловатых, но, увы, забытых сегодня горожанами, действий, в только что вычищенном и выглаженном костюме (вся эта процедура в «Доме быта» занимала минут пятнадцать-двадцать), с начищенными ботинками, можно было продефилировать по самой нарядной в то время во всей стране улице.

Политая и подметенная ранними утренними дворниками – курдами, главная, парадная улица города – проспект Руставели придирчиво оглядывал тебя, и если все было в порядке, благословлял на труд, на свидания или приглашал просто пройти под тенью вековых платанов. Мне же надо было торопиться, еще оставалось пересечь наискосок проспект от «Интуриста» к голубым елям Дома Правительства, и можно было уже одолевать подъем по Читадзе к фуникулеру. Вот и мой институт, где к концу лета расстилали под деревьями простыни, – в это время года осыпавшиеся тутовые деревья роняли тысячи красно-фиолетовых сладчайших ягод.

Как это раньше строили дома, что даже в самый жаркий день вестибюль нашего заведения сохранял прохладу и звуки улицы глохли в нем?

В новом здании Института физики, из которого мы уже совсем переехали, не было такого благолепия, таких мраморных ступеней на лестницах, таких оконных ниш и уж, конечно, не было своих лимонных деревьев, шпалерами стоящих

в коридорах. А сад во внутреннем дворе до нашего времени сохранял свое величие аллеи и пышных цветников, за которыми ухаживал, видимо, с дореволюционного времени, «сололакский Мафусаил», переживший все революции и войны (Сололаки – район в верхней части города, где был расположен Институт кибернетики)).

Да, заведение Святой Нины было когда-то идеальным местом для взращивания талантов у благородных девиц, настраивания их на достойную жизнь – это был по существу, как можно было узнать из архивных источников, грузинский вариант «Смольного института благородных девиц».

Не знаю, как это было связано с такими давно забытыми заведениями, но надо сказать, что одной из самых заметных черт грузинских городских девушек того времени, особенно их внешнего облика, было врожденное благородство, которое сквозило в их походке, умении держаться, особом вкусе в выборе одежды. Впрочем, у мужчин тоже, у них эта особая изысканность сочеталась с некоей небрежностью, европейским шиком, недаром Маяковский окрестил тбилисцев – «парижаками».

Тбилиси – это прежде всего «город звучащий». В этом городе каждый умел играть, как минимум на гитаре, если в доме не было фортепиано. Девушки обычно хорошо, в несколько голосов, «а капелла», пели при каждом удобном случае, создавая неповторимую атмосферу на всех сборищах молодежи, что резко контрастировало с нашей, минской традицией «танцев под радиолу» на домашних вечеринках. В Тбилиси, надо отметить, тогда пели все – за традиционными мужскими грузинскими столами, где священнодействовал ритуал и строго соблюдалась традиция поглощения неимоверного количества вина, всегда находилось несколько человек, почти профессионально начинающих мелодию, дающих «запев», устанавливающий тональность, и уже после такого вступления мелодия потом подхватывалась всем застольем. Слушать их было наслаждением.

Меня не особенно беспокоило незнание грузинского языка – в моем институте все говорили по-русски, в той, сохранившейся еще, досоветской интеллигентной среде, вообще был принят русский язык. Здесь было почти, как у нас в Минске, где все знали белорусский язык, но употребляли его, в основном, для подчеркивания смысла или для украшения речи особо красочными, как правило, народными выражениями.

Но грузинским языком в Тбилиси дорожили, он был мне здесь более нужен, чем в Минске белорусский, – я взялся за «Самоучитель» и начал ежедневно пополнять свой скудный запас словами нового языка. Все-таки основным языком общения в городе между всеми национальностями был чаще всего грузинский язык, потом русский, а потом «арго» – неповторимая смесь грузинского, армянского, русского и еще каких-то, не сразу мною установленных языков.

Что меня особенно удивило, когда я стал ближе знакомиться с моим окружением в Тбилиси, – это красота русской речи в старинных, в смысле своей родословной, грузинских семьях и в давно укоренившихся в Грузии русских семьях. Они напоминали мне традиционные семьи Ленинграда, «петербуржцев», где мне так нравился их русский язык, правильность произношения, строй речи, изысканность в построении фразы, особенно в сравнении с грубоватой, отрывистой, режущей мой слух «аканием», речью москвичей.

Может быть, это происходило из-за моей давней практики слушать хорошую литературную речь в театре, или на радио, – не знаю.

Я думаю, что из-за привычки к пению, развитому слуху, в речи тбилисцев много интонационных переходов от понижения к повышению или, особая тональность, наличие обертонов в говоре, что придает неповторимую музыкальную окраску разговорной речи. Мне кажется, что врожденное качество уроженцев этого города – это генетическая предрасположенность к пению, музыкальные способности и яркая, образная речь. Недаром, Ираклия Андроникова (Андроникашвили) или Сурена Кочаряна можно было слушать часами, что бы они ни читали, о чем бы ни говорили, так завораживающе, мелодически звучали их длинные литературные монологи со сцены.

Оба они, – Сурен Кочарян, как и Андроников, – родились и начинали свою жизнь в Тифлисе. Может быть, здесь в воздухе, наполненном голубизной высокого неба, находилось что-то такое, что развивало музыкальный слух, выстраивало неповторимую музыку говора, задавало особый ритм жизни, настраивало на желание, если не петь или играть, то хотя бы писать свои или, в крайнем случае, декламировать чужие стихи.

Тифлис, Грузия, да пожалуй, и весь Кавказ всегда давали начальный толчок, творческий импульс многим российским поэтам и литераторам, музыкантам и художникам.

Весь этот бесконечный ряд можно было бы начать с Грибоедова, вдохнувшего в Тифлисе воздух любви. Или с Толстого, который на Кавказе обрел себя. Здесь находится начало его литературного пути, здесь он сдавал экзамены на офицера, на мужчину.

Горький напечатал свой первый рассказ в Тифлисе. А в Метехской тюрьме услышал, «как сверху через крыши непрерывно вливается глухой шум бешеных волн рыжей Куры, воют торговцы на базаре Авлабара – азиатской части города; пересекая все звуки, ноет зурна, голуби воркуют где-то... Поют странную песню – вся она запутанная, точно моток шерсти, которым долго играла кошка. Тоскливо тянется и дрожит, развиваясь, высокая воющая нота, уходит всё глубже и глубже в пыльное тусклое небо и вдруг взвизгнув, порвется, спрячется куда-то, тихонько рыча, как зверь, побежденный страхом. Потом снова вьется змеею, выползая из-за решетки на жаркую свободу. Внимая этой песне, отдаленно знакомой мне, – звуками своими она говорит что-то понятное сердцу, больно трогающее его...» («Женщина», А. Горький, 1913, под названием «По Руси (Из впечатлений «проходящего»», напечатано в журнале «Вестник Европы», 1913).

Даже тюрьма в этом городе давала пищу творческому началу.

Или Шаляпин, который так сказал о Тбилиси: «Я рожден дважды: для жизни – в Казани, для музыки – в Тифлисе». Оперный театр имени Палиашвили, где впервые зазвучал голос великого Шаляпина, гордится тем, что здесь он получил первые уроки вокала, когда его учителем был преподаватель тбилисского музыкального училища Усатов.

Так что этому городу и этому театру обязаны мы и уникальным голосом Шаляпина, его божественным талантом.

Впрочем, Тифлис дал миру не только музыкантов и художников – выдающийся государственный деятель, единственный в истории успешный реформатор всей финансовой системы России, Сергей Юльевич Витте, тоже родился в Тифлисе.

Лучше всего о своих тифлиских (и тбилисских) земляках, известных всему миру, написал журналист-международник Владимир Головин в книжечке «Головинский проспект» (Тбилиси, 2005).

Этот список можно продолжать, и продолжать. Древний Тифлис, в мое время уже Тбилиси, как и вся Грузия, видно, всегда обладал особой аурой, воздухом, настоящим на звуках, красками, которые просились на холсты, светом, просветляющим сознание или вином, поднимающим на философскую высоту обычную застольную беседу.

И еще – Грузия, грузинский народ с его вековыми традициями, его пением, его многоголосьем, с варевом разных национальностей и народов и врожденной веротерпимостью была хранительницей и пристанищем гонимых: поэтов, религиозных деятелей и целых общин (например, молокане), а то и просто обездоленных, нищих людей и «несогласных», уже в современном понимании этого слова. Это помнили все лучшие умы России, а русские поэты нашли в Грузии благодарных слушателей и почитателей.

Вот так оценил грузинское извечное гостеприимство и участие в нелегкой судьбе русских поэтов всех времен Евтушенко:

«О, Грузия! Нам слезы вытирая,
Ты русской музы колыбель вторая,
О Грузии забыв неосторожно,
В России быть поэтом невозможно».

Тбилиси – пульсирующее неистребимой жизнью сердце Грузии, этот согревающий душу общий дом, вырос на сползающих к Куре крутых склонах, обнимающих город, охраняющих его, как створки раковины хранят драгоценную жемчужину. В этом городе хотелось жить вечно. Надо было бы рассказать и о моем первом знакомстве с серными банями, но я ограничусь коротким наброском, ведь тбилисским серным баням уделено столько самых высоких похвал от Пушкина и Александра Дюма, или от Толстого Льва Николаевича и Толстого Алексея Николаевича, до Евтушенко и Юрия Лужкова, что не стоят внимания мои первые, тогда еще робкие, впечатления об этих незабываемых минутах полного растворения в блаженстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.